

Н.А. Чиндина*

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

**ИГРОВАЯ ФУНКЦИЯ РАМОЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ ТЕКСТА
В РОМАНЕ Д. ФАУЛЗА «A MAGGOT»**

N.A. Chindina

Povolzhsky State Socio-Humanitarian Academy

**GAME FUNCTION OF TEXTUAL FRAME CONSTITUENTS
IN THE NOVEL «A MAGGOT» BY J. FOWELS**

The article deals with the frame components of the text in the novel «A Maggot» by J. Fowles. The analysis shows that these components perform a game function.

В романе Д. Фаулза «A Maggot» рамочный текст задает определенную художественную прагматику. С помощью таких компонентов рамочного текста, как заглавие, пролог и эпилог, создаются специфические условия восприятия произведения, а также контекст его позиционирования.

Заглавие «A Maggot» дает читателю подчеркнуто неоднозначную информацию о содержании произведения. Это осуществляется за счет того, что само слово «a maggot», вынесенное в заголовок, имеет два абсолютно разных значения: 1) the soft limbless larva of dipterous insects, especially the housefly and blowfly, occurring in decaying organic matter; 2) (rare) a fancy or whim [1]. Кроме того, в самом романе значение этого слова варьируется в зависимости от контекста.

* © Чиндина Н.А., 2010

В прологе заглавное слово «a maggot» с первых строк включается в ткань повествования и употребляется сначала в первом значении. Личинка червя, которая со временем должна преобразиться, представляет собой метафору художественного творчества: «A MAGGOT IS the larval stage of a winged creature; as is the written text, at least in the writer's hope» [2, p. 5]. Затем в прологе, а также в эпилоге реализуется уже второе значение, на что указывают такие слова, как «this fictional maggot», «this fiction», «invention». Во внутрирамочном тексте заглавное слово встречается несколько раз в описаниях разными героями загадочных событий в пещере. В этих описаниях слово «a maggot» используется в первом значении. Герой Дэвид Джонс, рассказывая о приключениях Ребекки Ли, упоминает червя, изображенного на шпалере, которую Ребекка увидела во сне, находясь в пещере: «She said it was from one of the hangings in her dream, sir, in the Devil's gallery. For there she saw a fair corse of a young lady being gnawed by a seethe of maggots <...> and one of which was monstrous large, not of all nature <...>» [2, p. 266]. Сама же Ребекка Ли впоследствии опровергает данную информацию и сообщает о том, что в пещере она видела не картину, а некую диковинную машину-чудовище, очень похожую на гигантского червя: «That floated in the inner cavern, like a great swollen maggot <...> yes, like a maggot, tho' not» [2, p. 359].

Таким образом, внутренняя неоднозначность, заложенная в самой семантической структуре заглавного слова, не получает экспликации в композиции произведения. Она лишь усиливается за счет того, что в рамочном и внутрирамочном текстах реализуются абсолютно разные значения вынесенного в заголовок слова «a maggot».

Заголовок, как правило, формирует у читателя «предпонимание» текста (Г.-Г. Гадамер), становится первым шагом к его интерпретации. Однако внутренняя неоднозначность заглавия романа «A Maggot» и его максимальная формальная сжатость создают широкое поле интерпретаций, порождают несколько

возможных толкований, и читатель не может предпочесть какое-то одно из них. Создается «ситуация интерпретационного выбора» (У. Эко), что требует сотворчества со стороны читателя. От того, какое толкование выберет читатель, зависит его «предпонимание» текста. Таким образом осуществляется игра с читательскими ожиданиями.

Кроме того, заглавие подобного рода выполняет особую, игровую в своей основе функцию. Оно не только создает у читателя установку на эстетическое восприятие текста, но и реализует стратегию, нацеленную на то, чтобы вызвать именно размытое, неопределенное восприятие. Подобное заглавие дезориентирует читателя, задает ложный «горизонт ожидания». Это, в свою очередь, способствует созданию игрового характера текста на уровне рамы произведения.

Другим компонентом рамочного текста, выполняющим игровую функцию, является пролог. Пролог представляет собой «краткое описание событий, предшествующих тем, о которых идет речь в самом произведении» [3, p. 114]. Вводная часть романа «A Maggot» обозначена именно как пролог (Prologue). Однако в ней ничего не говорится о событиях, предшествующих событиям романа, а лишь сообщаются некоторые сведения о фактах, положенных в основу произведения. Это позволяет сделать вывод о том, что пролог выполняет функцию предисловия.

Пролог романа «A Maggot» – это своего рода мистификация. В нем намеренно подчеркивается дистанция между автором и создаваемой им эстетической реальностью. Кроме того, открыто признается тот факт, что эта реальность носит вымышленный характер. Читателю напоминают о том, что он имеет дело не с «настоящей» действительностью, а с вымышленным художественным произведением: «This fictional maggot was written <...>», «This fiction is in no way biographically about that second woman <...>» [2, p. 5], «<...> I would not have this seen as a historical novel. It is maggot» [2, p. 6]. За счет этого обыгрывается конвенциональность письма. Кроме того, осуществляется целенаправленное разрушение романной формы как способ игры автора с читателем на уровне рамы произведения.

Еще один значимый рамочный компонент – эпилог. Эпилог представляет собой «краткое сообщение о том, как в дальнейшем сложились судьбы героев» [3, p. 116]. Заключительная часть романа «A Maggot» озаглавлена словом эпилог (Epilogue), но в ней ничего не говорится о том, что произошло с героями в дальнейшем. Эпилог выполняет в романе те же функции, что и пролог, а именно – обыгрывает условность письма. Эта функция осуществляется посредством упоминания автором-повествователем некоторых творческих принципов, непосредственно реализованных в произведении: «I have mentioned Daniel Defoe <...> only once in these pages <...> To following some of what I take to be the underlying approach and purpose on his novels, I happily confess» [2, p. 455]. Конвенциональность письма также обыгрывается за счет того, что в эпилоге открыто признается вымышленный характер эстетической реальности. Читателю в очередной раз напоминают о том, что он имеет дело не с «настоящей» действительностью, а с вымышленным художественным произведением: «They (characters. – *Н. Ч.*) are here almost all invention beyond their names», «I repeat, this is a maggot, not an attempt, either in fact or in language, to reproduce known history» [2, p. 455].

Итак, изучая особенности рамочных компонентов текста в романе Д. Фаулза «A Maggot», мы пришли к выводу о том, что они выполняют игровую функцию. При помощи заглавия реализуется игра с читательскими ожиданиями. В прологе и эпилоге обыгрывается конвенциональность письма. Все это способствует созданию игрового характера текста на уровне рамы произведения.

Библиографический список

1. Collins English Dictionary. Glasgow, Harper Collins Publishers, 2006 (8th ed.).
2. Fowles J. A Maggot. Vintage, 1996.
3. Ламзина А.В. Рама // Введение в литературоведение: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004. С. 103–118.